

Joanna Mianowska

Неизвестные страницы третьей волны русской эмиграции : А. Минчин и его эгерии

Acta Polono-Ruthenica 6, 125-133

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Mianowska
(Polska, Bydgoszcz)

Неизвестные страницы третьей волны русской эмиграции: А. Минчин и его эгерия¹

В русской литературе есть целый ряд писателей третьей волны эмиграции, известных во многих странах мира, опубликованных в России и не замеченных, к сожалению, в Польше. Александр Минчин, Дина Рубина, Борис Сичкин, Сергей Юрьенен – это лишь некоторые имена „невозвращенцев”, творчество которых заслуживает не только внимания, но и введения его в научный обиход польского литературоведения.

Женская тема привлекла внимание многих писателей „третьей волны” эмиграции.² Своеобразная галерея женских характеров создана в прозе С. Довлатова и А. Минчина. Если прозе С. Довлатова польская, российская и американская критика уделила должное внимание, то автор девяти романов, американский эмигрант А. Минчин, почти не упоминается. А. Минчин живёт в Нью-Йорке с середины 70-х годов. Он выпускник филфака Московского педагогического и Мичиганского университетов. В его книге *Актриса* на обложке написаны следующие слова: „Предшественников у двуязычного автора, по большому счёту, было лишь двое: Набоков и Конрад, которые создали свою уникальную литературу и заняли заметное место в культуре Америки и Англии”.³

Обратимся к минчинским романам *Наталья* и *Юджиния*, в которых запечатлены женские образы – заглавные героини Наталья и Юджиния. Обе они были вдохновеньем, возлюбленными и наставницами, современными эгериями.

Первая вышедшая в России книга Минчина *Наталья* имеет подзаголовок (московский роман). Издана „Радугой” в 1993 году и, как констатируют редакторы книги Н. Матяш и Т. Жудро, она „прочитывается

¹ См. *Большой энциклопедический словарь*: „Мифология”, Москва 1998, с. 630. Эгерия – в римской мифологии пророчица-нимфа ручья в посвящённой Карменге роше, из которого весталки черпали воду для храма Весты. Эгерия – возлюбленная и наставница царя Нумы.

² См. Б. Ланин, *Проза русской эмиграции (третья волна)*, Москва 1997; В. Агеносов, *Литература русского зарубежья*, Москва 1998.

³ Из обложки, в.: А. Минчин, *Актриса*, Москва 1997.

на одном дыхании". До начала книги появляются слова автора: „Я всегда хотел написать свою Каренину". На первый взгляд Минчин заимствует частично сюжет с *Анны Карениной* – любовь с первого взгляда к замужней женщине захлеснула автора-рассказчика и вытеснила с его жизни весь остальной мир. Отметим, что знакомство героев *Натальи* происходит в метро, в *Анне Карениной* – на станции Петербургской железной дороги. Дочь Натальи – Анна. Вот, пожалуй, и конец сравнений. Автора-рассказчика (Сашу, Саню) никак с Вронским не сравнить, да и Наталья, помимо её красоты, стройности и образованности, с Анной Карениной не сравнивается (Сама она констатирует: „Я не Каренина, и меня не волнует эта двойная жизнь, хотя бы потому, что у меня нет с мужем никакой жизни").⁴

Стоит отметить, что любимый Минчиным Набоков свой англоязычный роман *Ада* начинает отрывком из толстовской *Анны Карениной*: „Все счастливые семьи довольно-таки не похожи, все несчастливые довольно-таки одинаковы".⁵ Минчин изображает Наталью на фоне двух разных миров. Первый – это её дом (очаг). Это фон „женской обычности" и „женской традиционности" – муж (постоянно занятый, зарабатывающий на обеспеченность семьи) и ребёнок, дочь Аннушка, о которой героиня заботится. Второй мир – это комната Автора-рассказчика Саши, в которой царствует любовь и в этом мире происходит метаморфоз – из матери и жены Наталья преобразается в женщину-любовницу, готовую пожертвовать всем ради любви. В жизнь молодой и красивой женщины (её внешнему виду Минчин уделяет много места в романе), неудачно устроившей свои отношения с мужем, изменения вносит случайная встреча в метро. Наталья с самого начала „играет в открытую" – она часто вспоминает мужа и говорит о нём отрицательно. Угрызений совести у неё нет (и в этом также её отличие от Карениной). Изменяя мужу и вспоминая свой брак, Наталья часто повторяет: „Мы цивилизованные и воспитанные муж и жена, ни один не вмешивается в

⁴ А. Минчин, *Наталья*, Москва 1993, с. 62.

⁵ В. Набоков, *Ада*, [в:] В. Набоков, *Собрание сочинений американского периода в пяти томах*, Санкт-Петербург 1997, с. 13. В русском культурном сознании образ Анны Карениной возбуждал споры и большой интерес. Каждая новая эпоха (и поколение) пытались толковать его по-своему (См. О. Сливцкая *О многозначности восприятия „Анны Карениной"*, „Русская литература", 1990 (3), с. 34–47; А. Буланов, *Логика сердца в романе Л. Н. Толстого „Анна Каренина"*, „Русская литература", 1991 (3), с. 25–35; А. Гаврилов, *В спорах о Карениной*, „Книжное обозрение", НГ 03.04.1997, с. 2; А. Кушнер, *Анна Андреевна и Анна Аркадьевна*, „Новый мир", 2000 (2), с. 176–187.

жизнь другого".⁶ Надо отметить, что „женский вопрос” в произведении Минчина поставлен согласно велению нового времени, однако много общего в нём с принципами модернистской идеологии. Стоит в этой связи напомнить две статьи Зинаиды Венгеровой конца XIX века *Русская женщина* (1897) и *Феминизм и женская свобода* (1898), в которых её автор называет неизменные на протяжении всей истории типичные черты русских женщин нравственную свободу, идеализм и предрасположенность к мистицизму, ум и динамичные действия.⁷ Венгерова пишет о русской женщине в духе модернистских идеалов: свобода чувств, индивидуализм, тонкий эстетизм, богатство мира мыслей и ощущений. Эти черты позволили русской женщине следовать своему сердцу. Традиционализм, господствующий в постановке женского вопроса и женских образов в русской литературе XIX века – женщина послушная дочь и мать, а также преданная жена (пушкинская Татьяна Ларина), вытеснен новыми принципами модернизма (чеховская Анна Сергеевна), у Минчина получающего рода нравственных оценок. Наталья не считает своей связи с Сашей греховностью, падением, она оправдывает себя и только иногда, говоря о своего рода нравственных оценок. Наталья не считает своей связи с Сашей греховностью, падением, она оправдывает себя и только иногда, говоря о своей дочери, улыбается „виновато-милой улыбкой”.⁸ Кстати, сама Наталья сравнивает своё отношение к любовнику с отношением к своей дочке Аннушке. Героиня часто повторяет слова: „Ты же маленький мальчик. Я к тебе, как к Аннушке отношусь...”⁹ Эти слова вполне понятны, ибо Наталья старше своего любовника, а сам Автор-рассказчик признаётся, что – это его первый жизненный опыт и ему „...не с чем сравнивать таких тел”.¹⁰ Следует отметить, что минчинская героиня, полностью отдаваясь любви и любимому человеку, всё же беспокоится о семье и дальнейшей жизни и в этом отношении она близка зайцевским героиням, которые, хоть и замкнуты на частной жизни, однако, ощущают одиночество и обречённость своего существования.¹¹

И, наконец, минчинская эротика. Ещё в начале XX века В. Розанов в книге *В мире неясного и нерешённого* защищал именно плотскую

⁶ А. Минчин, *Наталья*, с. 49.

⁷ См. Ш. Розенталь, *Зинаида Венгерова: модернизм и освобождение женщины*, [в:] *Русская литература XX века. Исследования американских учёных*, Санкт-Петербург 1993, с. 59–69.

⁸ А. Минчин, *Наталья*, с. 66.

⁹ *Ibidem*, с. 94.

¹⁰ *Ibidem*, с. 154.

¹¹ См. Б. Зайцев, *Повесть о Вере*, Москва 1991; Б. Зайцев, *Другая Вера*, Москва 1991.

любовь. Стоит напомнить, что в *Саше* М. Арцыбашева хотя эротика переплетается со смертью и насилием, автор романа призывает к сладострастию. Стоит в этой связи привести слова К. Чуковского: „Люди должны наслаждаться любовью без страха и запрета. И это слово »должны« – остаток прежних интеллигентных привычек, пережиток морального кодекса, который на наших глазах исчезает”.¹² Изменения „морального кодекса”, сексуального поведения обоих полов в конце XX века ярко выражены в произведениях А. Минчина. Если в драмах Славомира Мрожека женщина приравнена к реквизиту (бутафорская вещь), то у Минчина в *Наталье* это муза, вдохновенье, современная эгерия.¹³ Автор приравнивает Наталью к божественному существу, и неземному.¹⁴ Правда, „божественность” и „неземность” Натальи отождествлены прежде всего с её телом.¹⁵ Минчин, вводя в свой роман литературные реминисценции, например, читая Ф. Саган *Немного солнца в холодной воде*, усматривает схожесть сагановской Натальи со своей Натальей. Сходство героинь, по Минчину, выражено в их натуре, характере и поступках.¹⁶ Интерес может вызвать особенно одна из черт характера минчинской Натальи – её уступчивость, граничащая с покорностью. Автор-рассказчик в этой связи констатирует: „Мне нравится её [Натальи – И. М.] послушание [Без единого вопроса]. Я просто без ума от этого. Такая женщина – и слушается во всём”.¹⁷ Надо отметить, что эта черта будет присуща и другому минчинскому женскому образу – Юджинии.

Стоит отметить, что в *Наталье* нет пошлости и нецензурных слов. Отношения Наталья – Саша скорее всего идилличны, хоть героиня „чужая жена”. Они сводятся к постели и сексу, но в них проявляется прежде всего чувственность. И хотя Н. Бердяев в своё время констатировал: „В русской любви есть что-то тёмное и мучительное, непросветлённое и часто уродливое. У нас не было настоящего романтизма в любви”, в *Наталье* романтизм чувств и ощущений на лицо.¹⁸ Не мешает ему и то, что автор-рассказчик любовь сводит к постели: „Эта невзрачная, несчастная

¹² Цит. по: К. Чуковский, *Нат Пинкертон (1908)*, [в:] *Собрание сочинений в шести томах*, Москва 1969, т. 6, с. 147.

¹³ См. М. Kaczmarczyk, *Kobieta jako rekwizyt w dramatach S. Mrożka*, [w:] *Kobiety w literaturze*, Bydgoszcz 1999, s. 223–230.

¹⁴ А. Минчин, *Наталья*, с. 22 и др.

¹⁵ *Ibidem*, с. 155.

¹⁶ *Ibidem*, с. 166.

¹⁷ *Ibidem*, с. 167.

¹⁸ См. Н. Бердяев, *Мирозерцание Достоевского. Эрос и личность. Философия пола и любви*, Москва 1989, с. 102.

кровать, похожая на мою жизнь, приобретала свой особый смысл. Оттого, что – на ней сидела Наталья¹⁹ и далее: „Эта мерзкая, узкая, скрипкая кровать даже преобразилась и стала прекрасной“.²⁰ О большом чувстве, захлестнувшем автора-рассказчика, свидетельствуют и описания любовных сцен в романе.

Главной формой ласки, описываемой Минчиным в *Наталье*, являются поцелуи. Надо отметить, что как элемент любовной игры (поцелуй-лобзание) был известен издавна. На разницу в отличии терминов „поцелуй“ и „лобзание“ обратил внимание В. Петрухин в статье *Варяжская женщина на востоке: жена, рабыня или Валькирия?*²¹ Если взять во внимание этимологию слова „лобзание“ – она связана с глаголами „лизать“, „ласкать“ и существительным „лобъзь“ – губа.²² Слово же „поцелуй“ имеет в корне „цел-“ и внушает целостность, пожелание цельности и здоровья. Не подлежит сомнению, что слова „лобзание“ и „поцелуй“, хоть дифференцированы по смыслу, обозначали проявление чувственности. В *Наталье* чувственность связана с поцелуями и губами. У Минчина губы героини названы „божественными“, или: „мягкими и сильными“, „холодными“ (на морозе), „сладкими“. Отметим, что обычай именовать уста „сладкими“ появился ещё в раннем средневековье, тогда считалось, что рот – это источник удовольствия.²³ И на самом деле, в *Наталье* этой форме естественных ласк отводится много места: губы и поцелуи на снегу, поцелуи в глаза, целование снежных рук и волос, „падающих льном из-под сползшего чёрного гарусного платка“, приводят к авторской констатации: „Всё забывается. Я пьянею от её губ. Я забываю дышать, такие у неё губы“²⁴ и далее: „Её губы завораживают...“²⁵ „...губы с чуть детской припухлостью“.²⁶

У Минчина описаны и другие формы ласки: объятия, поглаживания. Интерес может вызвать факт, что в минчинских описаниях интимного общения существует взаимосвязь вкусовых и любовных ощущений – не только губы любимой автор называет „сладкими“, „сладкие“ и

¹⁹ А. Минчин, *Наталья*, с. 50.

²⁰ Ibidem, с. 70.

²¹ См. В. Петрухин, *Варяжская женщина на востоке: жена, рабыня или „Валькирия?“*, [в:] *Секс и эротика в русской традиционной культуре*, Москва 1996, с. 72, 73.

²² А. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1910–1914, т. 1., с. 461–462.

²³ См. В. Лабутанская, *Невербальное поведение*, Ростов 1986.

²⁴ А. Минчин, *Наталья*, с. 81.

²⁵ Ibidem, с. 112.

²⁶ Ibidem, с. 67.

пепельные волосы Натальи, сладка и боль, причинённая в любви. „Грудной” и „мягкий-мягкий” голос героини, необыкновенно „женственные руки”, „чудесные” и „изумительные”, грудь „потрясная”, „неописуемая” и „неповторимая”, а в Натальиных „глазах какие-то блики, лучи, как флюиды, они завораживают”. И хотя сюжет минчинского романа слащаво-банален, мелодраматизм в *Наталье* (герои всё-таки расстаются) не профонируется в фарс, а минчинская эпиграмма „Всё это бред воспалённой фантазии, жаль, что такой женщины нет” – не мешает и хочется этот роман прочесть, а Наталью увидеть и даже услышать. Минчинская Наталья, хоть и плод авторских воображений, образ вполне реальный, женственный, способный преображать мир и всё окружение, силою своей страсти перемогать его.

Не только русская Наталья, но и американская Юджиния находятся на одной линии, обе они поглощены любовью-страстью. Роман под названием *Юджиния* был написан Минчиным на русском и английском языках. Книга на русском языке издана в авторской редакции. Она появилась в издательстве „Новости” в 1996 году. Герой романа Александр Невин – молодой писатель-эмигрант из России, а сюжет произведения связан с его пребыванием в Америке. Завязка начинается с поисков работы и неожиданного успеха, – получение места шофёра в богатом доме мистера Деминга Нилла.²⁷ Уже в самом начале романа определено отношение Невина (автора-рассказчика) к женскому полу вообще: „Он пробовал развлекаться, выходить с девочками, касаться их. Но ни девочки не были его девочками, которые когда-то были: с американскими становилось неинтересно после первого коктейля. Говорить было не о чем. Он никогда не представлял, что они так однообразны, по сравнению с прошлым, и так скучны”.²⁸ Занятый работой и писательским делом (Юджинии он признаётся, что оставил родителей, дом и друзей, чтобы иметь возможность писать и публиковать), Невин и сам не заметил, как началась история любви с Юджинией.

Сюжет любовной истории с замужней женщиной в *Наталье* коренным образом отличается от сюжета в *Юджинии*, героиня следующего заглавного минчинского романа – это дочь миллионера, 16-летняя девушка, влюбившаяся в русского писателя-эмигранта, в Америке же – шофёра. С начала и до конца прочтения романа может казаться, что это современная легенда о Тристане и Изольде. Впечатляет завершение романа – после смерти любимой жены, Юджинии, её муж Невин покончил жизнь самоубийством.

²⁷ А. Минчин, *Юджиния*, Москва 1996, с. 7.

²⁸ *Ibidem*, с. 27.

Если минчинский роман *Наталья* целиком автобиографичен, то в *Юджинии* хоть и содержится много моментов, известных по *Наталье* и биографии Минчина, литературный вымысел играет значительную роль. В *Наталье* Минчин хотел создать свою Анну Каренину, а в *Юджинии* он создал легенду, фантастичную сказку. Недаром сам автор напишет: „Если в мире что-то можно назвать идиллией, то, наверное, это [любовь Юджинии и А.Невина] была идиллия”.²⁹

У Минчина идиллия ассоциировалась с беспечной, беззаботной, никем и ничем не омрачённой, счастливой жизнью. По замыслу автора, герой романа из безработного, готового взяться за любое занятие, позволяющее не умереть с голоду, превращается в частного шофёра Д. Нилла, человека, входившего в число десяти самых богатых семей Америки.³⁰ Уже такая завязка романа предполагает фантастичность и нереальность. Прошедший разные испытания герой романа (жена Нилла пробовала безрезультатно соблазнить Невина, чтобы убедиться в его будущем отношении к Юджинии), и не мечтал, что вскоре превратится из шофёра дочки своего хозяина в её мужа. Стоит обратить внимание на минчинские описания внешнего вида Юджинии, совсем не напоминающие облика Натальи. Итак, лицо Юджинии: „юнее греческого начала, когда Греция была детством человечества, а человечество было детьми. Тогда на их лицах не было порока”, или „на её лице, как на лице чистого озера, не было ничего хмурого или волнующегося. Лицо было чисто. Как слеза, как лик ребёнка”.³¹ Взгляд у неё был чистый как хрусталь, а глаза, по словам Минчина, сверкали „как все жемчуга мира”, в другом месте это были „глаза, постоянно искрящиеся”³² и далее „более внимательных и испытывающих глаз он [Невин – И.М.] не встречал”.³³ Внимания заслуживает факт, что волосы Юджинии „оттеняли тёмной пепельностью лик и снежность лица”, а всё создавало образ, по минчинским словам, „американской невинности”.³⁴ Выражение это у Минчина написано без скобок, так воображает себе герой образ своей возлюбленной. Однако, слова эти требуют уточнения и подтверждения в самом тексте романа. Обратимся к чертам характера минчинской героини. Доброта, ум, сме-

²⁹ Ibidem, с. 114.

³⁰ Ibidem, с. 161.

³¹ Ibidem, с. 35, 50. В христианской культурной традиции „слёзы” символизируют восхождение молящегося к Богу.

³² Ibidem, с. 50, 61.

³³ Ibidem, с. 111, 154.

³⁴ Ibidem, с. 50. Минчин пытается подражать В. Набокову, ибо в какой-то степени в его Юджинии соотносятся черты набоковской Лолиты-девочки, но нет в ней сочетания извращённости и невинности нимфетки.

лость, резонность, целеустремлённость, послушность, мужественность и терпеливость Юджинии отнюдь не свидетельство её невинности. Невинность была заложена в её как внешней, так и внутренней красоте. Она не вытекает из незнания или глупости. Все поступки Юджинии, начиная с семейных отношений – свидетельство её „взрослой зрелости” (определение Минчина). Невина она оценивает следующим образом: „...тебя совершенно не интересовали деньги, дома, машины, материальная жизнь, будто ты жил в другом мире. И мне захотелось в этот мир перенестись с тобой”. В этом Юджиния-девочка увидела необычность Александра и влюбилась в него. Её невинность минчинский герой боялся повредить как „хрупкий сосуд” или „редчайшее волокно”.³⁵ С начала до конца текста романа Юджиния была и осталась „девочкой” с разными только определениями: „маленькая”, „добрая”, „мужественная”, „уникальная”. Девочкой называли её все знакомые и видящие её впервые (например, Миша, русский друг Невина, или американский Дастин). Даже после замужества о ней говорили „замужний ребёнок”, а мачеха говорила просто „ребёнок”.³⁶ Господин Нилл любил говорить: „Да, вы оба [Юджиния и Александр] должны ходить в детский сад”.³⁷ В мыслях и воображениях своего мужа Александра, Юджиния – это „дар-девочка”. „Невинна и чиста” и Невину казалось, что „этот ребёнок действительно всё знает” и в другом месте „ребёнок разбирался в мужчинах”³⁸ (она правильно оценивала русских друзей Невина). „Золотой ангел”, „белочка”, „расцветшая майская роза, которая благоухала”, „ласточка”, „цветок семьи” была при всём сказанном о ней темпераментной. Страсти Юджинии посвящены многие страницы романа. Героиня высказывается об этом, обращаясь к мужу, просто: „Крабы – это страсть с любовью, а ты – это любовь со страстью”.³⁹ Одной из страстей Юджинии было „кататься на лошадях”.⁴⁰ Но для Александра Невина страсть Юджинии была связана с её телом. Ему он и посвящает разные определения, как: „уникальнейшее тело”, „соглашающееся тело”, затем „льнущее”, „трепещущее”, „заждавшееся”, „божественное” и, наконец, „царственное”. Пылкие слова Автора повторяются часто, но с разной степенью убеждённости: „Она [Юджиния – И. М.] расцветала всё больше, становилась обворожительней и искусней. Её движения были в такт, объятия – в ритм, руки – нежней и смелей, тело ... и совершенней. Всё то, чего она раньше стеснялась, расцвело в страсти

³⁵ Ibidem, с. 39.

³⁶ Ibidem, с. 138.

³⁷ Ibidem, с. 160.

³⁸ Ibidem, с. 214.

³⁹ Ibidem, с. 111.

⁴⁰ Ibidem, с. 157.

и темпераменте”.⁴¹ Идиллия Невина и Юджинии продолжалась. Свадебное путешествие по штатам Америки, отдых на страстно-жарких гавайских островах („дети почему-то всегда любят острова” – подумал Невин, увидя радость Юджинии на его предложение поехать туда) ещё более сблизил супружескую пару. Невольно вспоминается парафраз из Вульгаты, письмо I, do kor. t. 13,11 „Sunt pueri, pueri, oueri puerilia tractant” – дети остаются всегда детьми и поступают по-детски (занимаются детством).⁴² Минчинская Юджиния-ребёнок – это, прежде всего, символ чистоты и незапятнанного отношения к жизни. Если Юджиния-ребёнок в чём-то напоминает набоковскую Лолиту, то лишь в своей любви к сладкому и к животным.⁴³

В свете вышесказанного надо отметить, что минчинские эгерии, возлюбленные и наставницы, заглавные минчинские героини Наталья и Юджиния, счастье своё сводили не столь к исполнению своих желаний и стремлений, они поддерживали своих избранников, иногда отказываясь от собственных планов и творческих амбиций. Ради любви минчинские эгерии способны были противостоять капризам судьбы. Образы Натальи и Юджинии могут казаться слащаво-банальными, однако, стоит ввести в научный литературный обиход имя Александра Минчина, проза которого должна найти своё место, аудиторию и экспертов, ведь, по словам А. Немзера: „...писать можно по-разному – люди, слава Богу, не на одно лицо”.⁴⁴ Немзер не называет Минчина в ряду ни рекомендуемой им „тридцатки”, ни в списке других (не его любимых) авторов, ни вообще, но ведь в различного рода заметках и спорах о современной прозе единого согласия (мнения) и быть не может.⁴⁵

⁴¹ Ibidem, с. 167.

⁴² *Słownik mitów i tradycji kultury*, pod red. W. Kopalińskiego, Warszawa 1987, s. 234.

⁴³ А. Минчин. *Юджиния*, с. 114. 21.

⁴⁴ См. А. Немзер, *Замечательное десятилетие*, „Новый мир”, 2000 (1), с. 216.

⁴⁵ См. А. Марченко, *Разуваев и К – выход в свет. Заметки о современной прозе*, „Вопросы литературы”, IX–X, 1999, с. 15–34